

Небо затянуло плотными свинцовыми тучами, и остатки дневного света померкли. С реки дул пронзительный холодный ветер, заставляя ивовые ветви мелко дрожать.

Шёл уже второй час пополудни, и народу в уезде поубавилось. К счастью, стоило Тао Цинъюю достать своих золотых рыбок, как к лотку тут же потянулись любопытные.

— Наконец-то я вас дождался, хозяин!

Юноша сразу узнал вчерашнего покупателя и приветливо улыбнулся:

— Вчера вернулись очень поздно, так что сегодня не смогли подняться вовремя.

Мужчина, не скупясь, купил сразу десять колец и, прицеливаясь, заметил:

— Уж больно рыбешки у вас славные, Хозяин Сяо Юй. Глаз не оторвать.

— Это правда, — хмыкнул Цинъюй. — Я и сам ими люблюсь. Не будь нужда так сильна, ни за что бы не выставил их на кон.

Ещё прошлым вечером он заметил: жители уезда питали к золотым рыбкам особую слабость. И взрослые, и дети, едва завидев их в чашах, только на них и пытались набросить кольца.

— Моему сынишке они тоже полюбились, — продолжал посетитель. — Вчера так ничего и не выгадал, еле уволок его домой — весь в слезах был.

Тот бросил пять колец подряд. Глазомер у него был неплох, но удача подкачала: ни одно не зацепилось за край. Когда в руке осталось последнее, он со вздохом спросил:

— Эх, была не была... Хозяин Сяо Юй, а не подскажите ли — можно ли купить этих рыбок напрямую, без игры?

Цинъюй с деланным сокрушением покачал головой:

— У меня их и так наперечёт. Если всё распродам, то и дело моё встанет.

Собеседник подошёл ближе и, хитро прищурившись, прошептал:

— Тогда, быть может, скажете, где вы их берёте? Я бы сам пошёл и купил за серебро.

Тао Синван, стоявший рядом с племянником, поначалу хотел было предложить отдать одну рыбку просто так — всё-таки постоянный клиент. Но, услышав это, он молча спрятал руки в рукава и уселся на табурет, решив подождать, что скажет юноша.

— Вы и впрямь хотите их купить? — Циньюй изобразил крайнее удивление.

— Разумеется.

— И сколько же вам нужно?

— Да много ли... — замялся гость. — Сыну для забавы трёх-пяти штук хватило бы.

Циньюй со свистом выдохнул и решительно кивнул:

— Что ж, ладно. Эти рыбки... их разводит тесть родного брата зятя моего дяди по материнской линии. Старик занимается этим для души уже лет десять. В этом году у него их стало слишком много, вот он и доверил их мне. Я лишь помогаю доброму человеку. Подождите немного, я схожу к нему и попрошу для вас.

Юноша серьёзно уточнил:

— Пять штук, значит?

Мужчина замялся:

— А может... может, вы просто скажете, где он живёт, и я сам к нему загляну? К чему вам утруждать и бегать ради меня?

Циньюй ответил со всей возможной учтивостью:

— О чём вы, какой труд! Для доброго гостя мне не жаль потратить время.

— Но всё же... А если я захочу штук тридцать-пятьдесят?

— Ох, столько точно не найдётся, — Тао посмотрел на него ясными, бесхитростными глазами.

— Я и сам беру их у него по лян серебра за штуку. У него на продажу осталось всего-то десятка полтора. Если решитесь, я заберу для вас всё, что есть.

— Целый лян за одну рыбешку?! — Покупатель едва не выронил кольца, округлив глаза.

Циньюй скорбно кивнул:

— И это ещё по знакомству, по родственной линии. Чтобы начать это дело, я все свои крохи вложил.

Он снова улыбнулся и с жаром принялся за дело:

— Пятидесяти штук не обещаю, но десяток-другой достану. Если надумали, я завтра же и...

— Нет-нет, не нужно! — в ужасе перебил его собеседник. — Мой кошелек не выдержит таких забав! Я не собираюсь сорить серебром ради капризов мальчишки!

Тот поспешно докидал оставшиеся кольца и, натянув на лицо кислую улыбку, быстро зашагал прочь.

— Ишь, какой! — проворчал Тао Синван. — Ясно же, что хотел наше дело подрезать.

— Дядя, если кто ещё будет выпрашивать про рыбу — говорите точь-в-точь как я, — наставил его племянник.

— Понял, не дурак. Всё сделаю как надо.

Старший всё ещё хмурился, а вот Циньюй лишь вздыхал с сожалением. Глядя на лениво плавающих в воде рыбок, он пробормотал:

— А ведь если бы он согласился, нам бы и стоять тут не пришлось. Продал бы разом всех — и сразу полтора десятка лянов в кармане.

Синван строго осадил его:

— Не бывает так, чтобы пироги сами с неба падали.

Семья Тао во всём следовала заветам деда: жить честно и полагаться только на свои руки, не ожидая милостей от судьбы.

— Да я так, к слову пришлось, — Циньюй потер кончик носа.

Синван оперся локтями о колени и, подавшись вперед, негромко спросил:

— Послушай, Юй-гээр... неужто во всём нашем уезде и впрямь никто больше таких рыб не

продаёт?

Юноша и сам об этом подумывал:

— Не знаю точно. Нужно бы разузнать.

Народу сегодня было немного, и помощь А Сю не требовалась, поэтому Синван отослал его домой заниматься своими делами. Покупатели подходили редко, но к вечеру, когда пришло время подбивать итоги, оказалось, что все десять припасенных рыбок нашли своих владельцев.

Циньюй взвесил на ладони кошель — там было около половины связки медяков. Неплохо для начала.

Приближался час Собаки, и сумерки сгущались. Помня об уговоре с Фан Вэньли, Тао быстро свернул лоток и вместе с дядей направился к переулку Цзиньфу. Синван по привычке постучал в ворота.

— Дядя, заходите скорее! — поприветствовал их А Сю.

— Фан Вэньли дома? — Циньюй преградил путь слуге, который уже тянулся к их тележке, намереваясь вкатить её во двор.

— Дома, конечно. Сейчас позову.

Не успел А Сю скрыться, как из дома вышел Учитель Фан в компании того самого Бай Цзиня, что вчера пытался выловить всех золотых рыбок. Фан Вэньли снова сменил наряд. Теперь на нём был просторный халат цвета молодой хвои с вышитым бамбуком по подолу. На поясе поблескивал круглый медальон из белого нефрита. Волосы были слегка распущены и скреплены лишь простой яшмовой шпилькой.

Он выглядел истинным благородным мужем — изысканным, статным и бесконечно спокойным. «Ослепительно красив, и нет ему равных в подлунном мире», — невольно вспомнил Тао Циньюй старую присказку. Глядя на него, было несложно понять, почему та барышня преследовала его по пятам.

Юноша поймал себя на мысли, что перспектива жить с таким человеком под одной крышей его совсем не пугает. Напротив, на душе стало как-то по-особенному тепло.

— Учитель Фан, вы не заняты? — с улыбкой спросил он.

Вэньли ответил ему мягко:

— Для тебя я всегда свободен.

Троица зрителей — Синван, А Сю и Бай Цзинь — дружно прыснула в кулак. Со стороны эти двое и впрямь смотрелись на редкость гармонично.

Когда они вышли за порог, А Сю потянул Синвана за рукав:

— У них дела, дядя. Пойдёмте в дом, попьёте чаю, пока ждёте.

Синван лишь успел крикнуть вслед племяннику:

— Юй-гээр, будь осторожен!

— Хорошо!

Бай Цзинь, видя, что на него никто не обращает внимания, забрал своего слугу и отправился восвояси.

***

Западная улица, мануфактура.

Эта лавка разительно отличалась от той мануфактуры «Цзиньсю», куда Тао Цинъюй водил своих братьев. Внутри всё дышало роскошью, а на прилавке красовалась массивная статуэтка Пияо. Даже самые простые ткани у входа были превосходного качества.

Юноша на мгновение замялся, прежде чем переступить порог. Приказчик сразу узнал Фан Вэньли и поспешил навстречу:

— Вы за свадебными нарядами?

Заметив Цинъюя, он расплылся в улыбке и принялся нахваливать:

— Ох, какой пригожий молодой человек! Стало быть, это и есть суженый Учителя Фана?

Тот лишь натянуто улыбнулся и, не зная, куда деться от такого внимания, бочком зашёл за спину Вэньли. Фан обернулся к нему и произнёс:

— Если одежда готова, нужно её примерить.

— Да-да, сейчас всё принесу!

Когда приказчик ушёл, Тао Цинъюй негромко заметил:

— Зачем эти примерки? Наденем что есть, и ладно.

Вэньли повернулся к нему и, чуть склонившись, заглянул в глаза. Юноша невольно отпрянул, глядя на него в упор.

— Свадьба бывает лишь раз в жизни, — серьёзно ответил Вэньли. — К чему здесь спешка и небрежность?

Цинъюй закусил губу.

«Всё равно ведь мы не по-настоящему... — пронеслось в голове. — Или ты надеешься сыграть её во второй раз?»

— Вовсе нет! — Юноша ткнул его пальцем в плечо, отстраняясь, и быстро отвернулся, пряча смущение.

Вэньли заметил, как покраснели кончики ушей гээра, и тихо рассмеялся:

— Раз так, то лучше всё проверить заранее.

— И то верно, — подхватил вернувшийся приказчик, неся два свертка. — Свадьба — дело великое, здесь в каждой мелочи должен быть порядок. Вот ваши наряды, примерьте-ка.

Цинъюй принял сверток. Ткань оказалась удивительно легкой, тонкой и гладкой. Он даже побоялся, как бы его загрубевшие от работы руки не оставили на ней зацепок.

— Идите же, примерьте. Портниха ждёт, чтобы сразу подогнать по фигуре.

Юноша бросил быстрый взгляд на учителя и молча скрылся за ширмой. Сбросив старую, поношенную куртку, он остался в нижней рубаше с протертыми рукавами. Свадебный халат сел неплохо, но в талии оказался чуть широковат. Видно, Вэньли заказывал его на глаз.

Когда Цинъюй вышел, Фан Вэньли уже ждал его. Учитель стоял в алом свадебном одеянии и, увидев юношу, тепло улыбнулся. У Тао перехватило дыхание. Сердце вдруг пустилось вскачь, гулко отдаваясь в ушах.

Вэньли, поймав его смятенный взгляд, невольно залюбовался покрасневшими ушами гээра

— они были розовыми, словно речной жемчуг. Он подошёл ближе, окинул Тао внимательным взглядом и негромко заметил:

— Кажется, в талии великовато.

Портниха, глядя на эту статную пару, не удержалась от похвалы:

— Хоть гээр и высок, но сложен на диво ладно. А талия-то какая тонкая — придётся ушивать. Но всё же худоба это не к добру.

— Я обязательно его откормлю, — серьёзно кивнул Вэньли.

Цинъюй вспыхнул до корней волос.

«"Откормлю"... — негодовал он про себя. — Говорит так, будто это чистая правда!»

— Когда назначена свадьба? — поинтересовалась женщина.

— В мае.

Портниха принялась ловко обмерять юношу, поправляя складки ткани:

— И то верно. В мае уже не холодно, но ещё не жарко — в таких одеждах будет в самый раз.

Цинъюй про себя отметил:

«А ведь он говорил, что в мае или июне...»

— Время ещё есть, и кто знает, как изменится ваша фигура к тому сроку, — продолжала женщина. — Я подправлю сейчас самое основное, а ближе к делу загляните ещё раз — проверим окончательно.

Вэньли кивнул:

— Понимаю. Благодарю вас за труд.

Сняв свадебные одежды, Цинъюй с облегчением влез в свою привычную куртку. В ней он чувствовал себя куда увереннее. Наряд учителя подошёл идеально, и его можно было забирать сразу, а вот халат юноши остался в лавке. Однако Фан Вэньли не стал забирать свой сверток.

— Почему ты его оставил? — удивился Тао.

— Заберём оба сразу, когда твой будет готов.

Циньюй не стал спорить.

— Теперь мы свободны?

Улыбка медленно сошла с лица учителя. Он взглянул на небо: тучи сгустились, и сумерки окончательно поглотили город.

— Да, — тихо ответил он. — Придёшь завтра?

— Приду.

Пятьсот медяков в день — это куда больше, чем дядя мог заработать, надрывая спину в амбарах. Фан снова улыбнулся:

— Вот и славно. И не забудь взять зонт, того и гляди ливанет.

— Спасибо за заботу.

— К чему эти благодарности? — мягко отозвался учитель.

В переулке раздался звонкий смех юноши:

— Так положено!

— Учишься у меня?

— Куда мне...

Они шли по переулку Цзиньфу плечом к плечу. Вэньли чуть склонил голову, слушая Тао, а тот, смеясь, поглядывал на него. Со стороны они казались столь близкими, что между ними и волоска было не просунуть. Соседи, выглядывавшие из окон на звук их голосов, тут же мрачнели.

— Это что, Учитель Фан?

— Ошибки быть не может — другого такого красавца у нас нет.

— А гээр рядом с ним...

— Видно, скоро нам на свадьбе гулять.

— Да какая там свадьба! — фыркнула жена соседа Яна, не отрываясь от прялки. — Всего лишь торговец рыбой. Неужто Учитель Фан настолько ослеп, что выбрал его?

— Ой, ли! — отозвалась соседка. — Уж не потому ли ты так язвишь, что он на твою дочку и не взглянул? Помнится, кто-то сам своего гээра перед ним выставлял...

Если Фан Вэньли и впрямь женится на торговце рыбой, ядом захлебнется весь переулок. Никто не понимал: то ли учитель за годы привык к этому «рыбнику», то ли и впрямь лишился разума. Ведь ни с кем из соседей он никогда не был так приветлив.

***

Забрав зонт, Тао Цинъюй и Синван поспешили домой. Стоило им войти в деревню, как налетел холодный ветер. Он пах сыростью, заставляя взмокшие после быстрой ходьбы спины покрыться мурашками. По небу потянулись серые нити дождя.

Он был ещё несильным, и они успели добежать до дома, лишь слегка намочив волосы. Во дворе никого не было. Цинъюй, заметив развешанное белье, бросил тележку и принялся поспешно его снимать.

— Младший папочка! Дядя! Дождь пошёл!

Он впопыхах сорвал несколько рубах, и в конце концов тяжелая накидка соскользнула с веревки, накрыв его с головой.

— Ну что ты за горе-помощник! — Фан У подошёл и снял ткань с его головы. — Неси в дом скорее.

Цинъюй виновато шмыгнул носом:

— Так ведь дождь же! Жалко, если сухое белье снова промокнет.

— Ладно-ладно, иди уже.

В главной комнате тоже было пусто. Цинъюй в недоумении отнёс вещи в комнату Младшего

папочки, но там оказалось столько народу, что яблоку было негде упасть.

— Что случилось?

— Твой папочка говорит, что видел, как у него пальцы дернулись, — отозвался Тао Юлян, не сводя глаз с руки старшего сына. — Вот мы и пришли посмотреть.

— Что?! — Цинъюй от волнения едва не выронил одежду.

Ян Цюэ подхватил вещи и вздохнул:

— Мы уже битый час сидим, но он так и не шелохнулся.

— Младший папочка, ты уверен, что видел это? — Цинъюй с надеждой посмотрел на Фан У.

— Я... я уже и сам не знаю, — растерянно ответил тот.

Проснувшись после полудня, он в полудреме почувствовал, как пальцы, которые он держал, слабо сжались. Но с тех пор никакой реакции не последовало. Цинъюй начал постепенно успокаиваться.

— Может, завтра стоит позвать лекаря?

— Пожалуй, стоит, — Тао Юлян, опираясь на посох, медленно поднялся. — Идёмте, нечего тут толпиться.

Когда все разошлись, юноша присел на табурет у кровати отца. Радость в его глазах угасла. Движение пальцев могло быть добрым знаком, а могло не значить вовсе ничего. Нельзя было тешить себя напрасными надеждами. Дождь наконец припустил вовсю. Крупные капли барабанили по крыше, и вскоре с карнизов потекли ровные струи воды. Деревня погрузилась в туман.

Кап-кап!

Цинъюй поднял голову к потолку и поспешил на кухню за тазами. Ужин сегодня задержался. Юноша отправился помогать старшим и услышал голос Фан У:

— Крышу снова придётся латать.

На кухне протекало сразу в нескольких местах. Ритмичный перестук капель складывался в странную музыку.

— Как только распогодится, мы с дядей перекроем её заново, — пообещал Циньюй.

— Да куда тебе лезть! Пусть Синван сам возится, — отозвался Младший папочка.

Циньюй присел у очага. Оранжевое пламя плясало перед глазами, обдавая лицо жаром. Он невольно зевнул.

— А где младшие?

— Буквы выводят. Не беспокойся о них, — добавил Ян Цюэ. — Твой Дядя Сяо Цзинь прислал им целую стопку бумаги — на полгода хватит.

Юноша щурился от тепла. Из трёх братьев деда семья третьего жила богаче всех и всегда поддерживала их. А сам Циньюй с детства был дружен с Тао Цзинем, так что тот всегда старался помочь. Интересы рода были превыше всего: Глава рода Тао понимал, что грамотные люди сделают семью крепче. А дети в их доме были способными. Циньюй мечтал отдать братьев в настоящую школу, особенно Цинцзя.

Он привалился плечом к Ян Цюэ. В свете огня его длинные ресницы казались золотистыми. Фан У, заметив его состояние, принялся быстрее лепить клецки. В котел добавили немного жира, и вскоре там закипели клецки с обилием сочной зелени. Щепотки соли вполне хватало для вкуса.

— Налетай, пока горячее! Циньюй, не спи!

Юноша встрепенулся и сильнее прижался к плечу Ян Цюэ:

— Сил нет двигаться...

Фан У рассмеялся:

— Что, Младшему папочке тебя с ложечки покормить?

Циньюй нехотя поднялся:

— Не маленький уже, сам справлюсь.

После ужина все поспешно умылись подогретой водой и разошлись по постелям.

***

На следующее утро дождь не прекратился. Деревня утопала в густом тумане. Из-за сырости похолодало, и постель казалась Цинъюю ледяной. О починке крыши сегодня нечего было и думать. За ночь дороги развезло, превратив землю в липкое месиво.

За завтраком Тао Юлян заметил:

— Погода дрянная, в уезде сейчас вряд ли кто гуляет. Можем и не торговать сегодня... Разве что лекаря позовём.

Вызов лекаря на дом стоил дорого, но перевозить Тао Синъюна в город было опасно. Цинъюю немного подумал и решил:

— Пойдём всё же, глянем. Если можно будет встать — встанем.

Тао Синван молча кивнул. Лишняя монета никогда не помешает. Дед лишь вздохнул, а Госпожа Цзоу погладила его по спине и строго сказала молодым:

— Отдохнули бы хоть денёк. Не думайте, что если молодые, то можно над собой измываться.

— Да ничего мы не измываемся, — отмахнулся юноша.

Чтобы успеть пораньше, Цинъюю и Синван отправились в путь сразу после завтрака. Дорога от Деревни Баопин была широкой, но после дождя она превратилась в месиво. Колеса тележки вязли, поэтому они надели за спину корзины. Чтобы рыбки не побились, чаши с ними несли в руках.

Одной рукой Цинъюю держал зонт, другой — ведро. Когда они добрались до городских улиц, их штанины были забрызганы грязью. Торговля в дождь шла туго. Прохожие спешили по своим делам. Сначала они арендовали место под навесом и, оставив там вещи, юноша поспешил в Переулок Цзиньфу.

На входе он столкнулся с А Сю.

— Хозяин Сяо Юй, я уже иду! Место то же?

Цинъюю кивнул:

— Как ты узнал, что мы пришли?

— Увидел вас на рынке, — весело отозвался слуга. — Хозяин ждёт вас. И послушайте... попробуйте вы его уговорить! Захворал, а лекаря звать не велит.

Юноша стоял под зонтом, с которого стекала вода.

«Не велит звать лекаря? — пронеслось в голове. — Учитель Фан в болезни и впрямь вел себя как ребёнок».

Проводив взглядом А Сю, он постучал в дверь.

— Открыто, — донёсся хриплый голос.

Цинъюй вошёл и увидел Фан Вэньли. Лицо учителя было бледным, губы горели нездоровым румянцем. Юноша окинул взглядом его легкие одежды и подумал:

«Снова щеголяет налегке, о здоровье и не думает».

Поднявшись на крыльцо, Цинъюй сложил зонт и достал из корзины накидку.

— Совсем себя не бережёте.

Вэньли лишь едва приподнял веки:

— Надень на себя.

— На мне и так три одежды.

Видя, что тот не шевелится, Тао Цинъюй набрал в грудь воздуха и твёрдо скомандовал:

— Надень!

Вэньли вздрогнул и медленно опустился на скамью.

— Сил нет... — пробормотал он так жалобно, что у юноши сжалось сердце.

Цинъюй быстро набросил на него накидку и заботливо завязал тесемки. Учитель невольно склонил голову, приткнувшись лбом к плечу юноши.

Тот хотел было отстраниться, но услышал тихий кашель и слабое:

— Голова кружится...

Цинъюй вздохнул. Кожа учителя была обжигающе горячей.

— Вставай. Я отведу тебя к лекарю.

В нос Фан Вэньли ударил тонкий аромат щелока, исходивший от одежды гээра. Он прикрыл глаза, позволяя себе на мгновение забыться.

— Фан Вэньли? Не смей терять сознание!

Юноша подхватил мужчину под руку и закинул его ладонь себе на плечо. Подхватив зонт, он потащил его к выходу, направляясь к Лечебнице семьи Чжоу.

— Ну что за человек... Довёл себя до такого состояния! Хочешь, чтобы лихорадка тебе все мозги высушила?

Всю жизнь Вэньли привык справляться с болезнями в одиночку. Но сейчас, чувствуя, как его поддерживает это хрупкое плечо, и слыша тревогу в голосе юноши, он вдруг понял, как сильно он в этом нуждался.

Нуждался именно в своём Сяо Юй.

<http://bllate.org/book/15858/1500024>